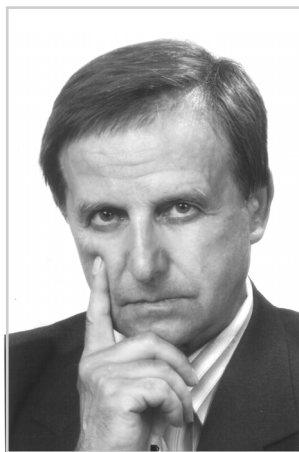

Поэтические встречи

Евгений МАРТЫШЕВ

ПРЕДЧУВСТВИЕ ЧУДА – НЕ ЗРЯ

* * *

«Детство. Мой отец – военный лётчик.
У реки Сучан – аэродром,
«Яки» краснозвёздные рокочут
с самого рассвета за окном.

Из домашней радиотарелки
музыка торжественная льёт.
В коммунальной кухоньке соседка
что-то аппетитное печёт.

Мне шесть лет. Мне мама собирает
сумку с незатейливой едой.
«Суп – в бидоне, – строго наставляет. –
Отнесёшь – и сразу же домой».

Выхожу на улицу из дома.
Солнце лучезарно бьёт в глаза.
А дороги до аэродрома
ходом малышу на полчаса.

Я бреду по узенькой тропинке
сквозь орешник и через овраг.
На листе – хрустальные росинки.
Ароматом веет каждый злак.

За колючей проволокой – поле,
под «колючкой» юркнуть – пустяки.
Впереди, как лодки на приколе,
замерли в шеренге ястребки.

Как они грозны, машины эти!
Каждая – былинный кладенец.
В надувном оранжевом жилете
под крылом в траве сидит отец.

Молодой, в пилотском шлемофоне...
Я гляжу, как он, суров на вид,
Ложкой суп черпает из бидона
И яйцо в газетку шелушит.

В травах не смолкает гул пчелиный.
А отец, прихлёбывая чай,
предлагает мне: «Залазь в кабину.
Ты ведь сын пилота. Привыкай».

Миг, другой – и я в пилотском кресле.
Циферблаты фосфором горят.
Мне не по себе: случайно если
я взлечу, то как потом – назад?

Евгений Федорович Мартышев родился 23 июля 1945 года. Окончил электромеханический и гуманитарный ф-ты Новосибирского электротехнического института. Много лет работает в телерадиокомпании «Новосибирск». Член Союза писателей России, действительный член Петровской академии наук и искусств. Лауреат премии международного славянского фонда имени Кирилла и Мефодия. Автор многих поэтических книг. Но особое признание и любовь читателей заслужил цикл книг-сказов: «Волшебный посох», «Сказ о стрелке Романе», «Влас-музыкант», «Роковая паутина» и др. Евгений Федорович много лет руководит городским литературным объединением «Молодость».

А отец, склонившись надо мною,
смотрит сверху, как издалека.
А над нами – небо голубое
и, как каравеллы, – облака.

Крещенская ночь

В небе лёгких снежинок кружение.
Утонули в сугробах дома.
В эту ночь накануне крещенья
волшебством покоряет зима.

По-особому звёзды мерцают,
и луна свет особенный льёт,
словно что-то земля ожидает,
словно чей-то предвидит приход.

И наверное, всё не напрасно,
и предчувствие чуда – не зря.
Эта ночь, что покуда безгласна,
поглотит, озаренья даря.

И они начались. Слышишь, странно
подо льдом зажурчала вода?
Это эхо струи Иордана,
что вовеки святая и чиста.

Слышишь, отзвук таинственной речи
и спокойные чьи-то шаги?
Это крестит Мессию предтеча
на приступках священной реки.

Порастает былое забвеньем,
заметает беспамьяства снег,
но великое Богоявление
не забудется в мире вовек.

И в глухую январскую пору
разверзаются в небе уста:
«Сей есть Сын Мой возлюблен...
  который...»,
и отчетлива тень от креста.

И душа порывается к выси.
Где высокий престол в синеве,
белый голубь и запах аниса,
и Любовь, и Величье Твое!

Обезьянка смешная скользнула с плеча,
  опечаляясь,
и исчезла в тумане.
  Как видно, навечно. Увы!

Ну, казалось бы, дело обычное.
  Все мы не вечны.
Грянет час – и любой из нас
  также смиренно уйдёт.
Только что же так трудно
  расправить поникшие плечи?
Только что же так горько
  принять безвозвратный исход?

Ты ушёл навсегда, но душа
  не желает смириться
с этим фактом печальным.
  Ей хочется слышать и зреть
твою поступь тяжёлую...
  вот ты вошёл, меднолицый,
в буйных космах, в которых
  густа серебристая нить,

взял гитару, поёшь свои песни
  с привычной хрипотцей,
иль читаешь стихи, вдохновенно,
  слегка нараспев.
И как будто окрест прибавляется неба
  и солнца,
И как будто окрест нам листва
  музицирует дров.

Что ж, шарманщик, прощай.
  Ты прожил век отмеренный ярко.
Верю я, когда сбросим мы
  тяжесть прижизненных нош,
у небесных ворот ты нас встретишь
  с привычной шарманкой,
поприветствуешь нас и привычную песню
  споёшь.

Жаль, не будет у нас твоего золотого
  напитка,
что при жизни при встречах дарил нам
  веселье порой.
Там на небе – нельзя. Рядом Бог!
  Ну да мы не в убытке.
Мы и так будем пьяны от радости
  встречи с тобой.

13.10.2011 г.

* * *

Памяти В. И. Черникова

Вот и ты путь земной завершил,
  неуёмный скиталец.
Захлебнулась шарманка мелодией
  вечной любви.

* * *

Когда приходит юбилей,
такое чувство:
хоть отовсюду льют елей,
а всё же грустно.

Не потому, что мчат года
всё мимо – мимо,
но потому, что всё всегда
неповторимо.

Нам никогда уж, хоть умри,
не станет тридцать.
Ни в двадцать пять, ни в сорок три
не воротиться.

И не вернуть былой задор,
страстей запоем.
Хотя мы всё же до сих пор
чего-то стоим.

И пусть заснежены виски,
не прячем взгляда.
мы и поныне рысаки:
– Ау, девчата!

Мы и поныне готовы
дать фору многим,
нам чужда формула: «Увы!»
Привычна – «Могем!»

А посему не надо врак
в заздравной речи.
Мужик по сути, как коньяк:
чем старше – крепче.

И самый круглый юбилей,
сказать по чести,
всего лишь повод для друзей
собраться вместе,

в глаза коллеге заглянуть,
обнять, как брата,
попировать – и снова в путь,
до новой даты.

* * *

Как славна природа почти на исходе
весны,
когда все сады, словно в кипени
белой приборя,
и небо над вами – бездонное и голубое,
и майские ветры от сладких дурманов
пьяны.

Когда всё окрест, пробудившись
от зимнего сна,
встреч солнцу спешит –
напитаться могучих энергий,
Скорее, скорей – из земли
выползают побеги.
Скорее, скорей, пока негу струит вышина.

Скорее, скорее – трезвонит
прозрачный ручей.
Скорее, скорей – мельтешат в кронах
клёнов синицы.

Скорее, скорей – вылез крот
из подземной темницы
и замер, разнежась, в потоке
горячих лучей.

Всему, что на свете, отпущен
прижизненный срок
и некий ресурс, невозможно
который оспорить.
И надо успеть свой приход содержанием
наполнить,
особенным смыслом, названье
которому – прок.

И я исключеньем себя не считаю.
Отнюдь.
Хотя соответствовать прожитым летам
пытаюсь,
Но пью эту свежесть и буйством
хмельным наполняюсь,
готовый при встрече любую
преграду свернуть.

Да здравствует жизнь! Невозможно
её разлюбить.
Да здравствует жизнь! Я неистов
и счастлив, куда
лёт солнце с небес – это непостижимое
чудо! –
свежа синева – необъятность
её не избыть!

Покуда в зыблящемся мареве
тает простор,
и птичьи рулады с рассвета
окрестности будят.
Покуда есть женщина та,
что любима и любит,
и рядом потомок, которому глазу вихор.

Уходят мгновенья. Любому не скажешь:
«Вернись!»
Не вымолишь небо: «Позволь пережить
по-иному».
Грядёт и последнее, но и в предсмертной
истоме
шепну благодарно: «Спасибо!
Да здравствует жизнь!»

* * *

Так уж вышло. В зоопарке,
для чего – не объяснили
(может, в целях воспитания,
может, просто карантин) –

в обособленную клетку медвежонка
отсадили.
Рядом – парами и группой, а вот в этой –
он один.

А уже сгущался вечер. Посетителей –
не много.
В отдаленье попугаи верещали про своё.
Медвежонку было плохо,
было очень одиноко.
Не хватало очень мамы, тела тёплого её.

Всё, наверное, казалось малышу
сплошную жутью:
этот сумрак, эти люди в одеяниях своих.
Он пытался их раздвинуть –
металлические прутья.
Он протиснуться пытался
сквозь суровый гребень их.

Он старался бедолажка.
Он, растрчивая силы,
неокрепшими когтями сталь упрямую
скоблил –
ничего не получалось.
Ничего не выходило.
Малышок в медвежьей шкуре от
отчаянья скулил.

Но случайно оказалась посетительница
рядом.
И она запричитала, как над собственным
дитём:
– Миша, милый, успокойся!
Миша, маленький, не надо!
Ну не плачь ты, мой родимый!
Нету мамочки – найдём!

И уж столько было в этой воркотне её
участья,
столько ласки материнской
голос чувственный вобрал,
что на задние поднялся,
ободрясь, малыш несчастный,
подойдя к фронтому клетки,
исповедоваться стал.

На медвежьем диалекте он печалился
ей горько,
что ему невыносимо в этой клетке одному,
что ему спокойней было б где-нибудь
забиться в норке,
потому как он не взрослый
и не сильный потому.

Он старался торопливо сообщить
о самом главном,
что ему пора бы к маме.
Где-то рядышком она.

А навстречу ему голос,
обволакивая плавно,
словно пение сирены,
погружал в объятья сна.

И не выдержал мишутка.
Лёг под прутьями устало.
Погрузился в сон глубокий,
мордку лапою прикрыв.
А «сирена» ворковала,
ворковала, ворковала,
а потом ушла тихонько,
снова встречу посулив.

Вот и всё. Такой вот случай.
Есть и вывод непреложный.
Для себя по крайней мере
я сумел уразуметь:
жизнь без женского участия
абсолютно невозможна!
И при этом не суть важно:
человек ты иль медведь.

30.06.2013 г.

* * *

« Я помню чудное мгновенье.
Передо мной явилась ты! ».
А. С. Пушкин

В поре отроческой далёкой,
духовной жаждою влеком,
я эти чувственные строки
прочёл, купив заветный том.

И был немало зачарован
волшебной музыкою их,
тем, что озвученное слово,
как высота, спирает дых.

Я повторял их, как молитву,
внимал им, как со стороны,
дивясь чарующему ритму
и ощущенью новизны.

И мнилось тихое поместье,
лесок, равнина, барский дом
и он, поэт, – невольник чести
строптив в изгнании своём.

Но он сегодня весел странно,
чего никак не в силах скрыть.
Он рад. Божественная Анна
его решила навещать.

Чиста, как ангел поднебесный,
легка, как тополевы пух,
она, почти что бестелесна,
ласкает взгляд, ласкает слух.

И очень сладостно поэту:
душа очнулась и поёт.
И в ней рождается вот это,
что их двоих переживёт.

Оно и впрямь живёт поныне
в томах, но каждый, словно клеть.
Два века – это ль не причина,
чтоб безнадежно устареть.

Другой язык, иные нравы:
без реверансов и затей,
прямолинейнее, корявей,
намного проще и грубей.

Я сам, творец словесной вязи,
передавая чувств накал,
искал рецепты в новоязе
и ритм искусственно ломал.

Любвеобильное слагалось,
рождая сутолочь в груди.
И мне казалось, получалось,
пусть не улётно, но почти.

Но вот шагнула мне навстречу
она... и всё, как в первый раз:
приобняла меня за плечи
и утопила в безднах глаз.

Любовь – отрада для витии.
Прими и Бога не гневи.
И я ищу слова такие,
чтоб одарить предмет любви.

И... говорю о ней в смущенье,
осилив приступ немоты:
«Я вижу чудное мгновенье.
Передо мной явилась ты!»

7.07.2013 г.
9.07.2013 г.

* * *

Разлук не бывает с любимыми.
И пусть даже рядом их нет,
они пребывают незримыми,
как тёплый божественный свет.

И вакуум не разверзается
в пространствах, где были они.
Напротив! Их суть проявляется
чудесным явленьям сродни.

Вдруг явственно в пору ненастную
в прогалине облачных гряд

проглянет знакомо участливый
подруги тоскующей взгляд.

И ласковый шёпот послышится
того, кто, увы, далеко.
Приветственно ветвь заколышется
вам встреч ни с того ни с сего.

Разлук не бывает с любимыми.
Для тех же, кто любит всерьёз,
приметы, Всевышним даримые,
повсюду, как россыпи звёзд.

Шагаю, печален, по улице,
но слышу укор над собой:
– Ну, что ты, родной, пригорюнился
Ведь вот же я! Рядом с тобой.

17.07.2013 г.

Памяти П. П. Дедова

1.
Давно не плакал. Нынче плачу я.
Не стыдно мне. Размазываю слёзы.
Всё, что я ни скажу, отныне – поздно.
При жизни надо б – вот в чём боль моя.
Теперь понятно, был я недалёк,
самонадеян, в сущности беспечен,
переноса на после наши встречи,
себя уговоря: – Ещё не срок!
Казалось, дней до чёрта впереди,
не нынче – завтра. Мелочи какие!
Но вот лежит он, руки на груди
сложив свои крестьянские, большие.
И мне не докричатся до него
и не пожать мозолистой ладони,
и больше не услышать в телефоне
приветствия радушного его.
На всём отныне вечностный запрет.
И мысль меня терзает, как увечье:
на что несостоявшиеся встречи
я променял. Где пользы этой след?
Я даже вспомнить чётко не могу,
на что сгубил дарованное время.
Встречался? Да! Но, кажется, не с теми.
Решал и делал что-то на бегу.
А надо бы, отброся все дела,
спешить туда, куда бы ни позвал он,
на озеро ль на добычу сазана
иль в поле, где свистят перепела.
Внимать его рассказам у костра,
помешивая тлеющие угли,
дивясь на облака, что мчат, как струги,
по пологу небесного шатра.
В лесу с ним не спеша искать грибы,

чернику брать с кустов, как подношение,
и принимать живое с ним общенье
за благосклонный промысел судьбы.
Как просто было рядом с ним мудреть
и находить желанные ответы
на всё, что сна лишает до рассвета
и разрушает жизненную твердь.
Теперь всё будет иначе, увы.
Как будто из-под ног ушла опора.
Я, может, стану прежним. Но не скоро.
Когда позарастут на сердце швы.
Уже от нас он очень далеко.
Уже он не вернётся даже тенью.
Казню себя за поздние прозренья.
Молюсь за душу светлую его.

21.07.2013 г.

2.

В стане русских ратников беда.
В стане русских ратников утрата.
Рухнула античная громада.
Пала путеводная звезда.

Грянул оземь витязь-богатырь,
кликну лебединому не внемля,
руки пораскинул во всю ширь,
чтоб в последний раз обнять всю землю.

Сгрудились товарищи-друзья,
сняты шелома, склонены выи,
вовсе не бояре, не князья,
но крестьяне да мастеровые.

Алое склонилось над ним
знамя, обагрённое в сраженьях.
И на нём сияет золотым
серп и молот – символ единенья.

Стынут в скорби грозные мужи.
Нет на слёзы льющие управы.
Жившему взахлёб и не по лжи
почести последние и слава.

Спрятанное в сердце глубоко
с болью вырывается наружу:
– Очень будет трудно без него.
Тьмы врагов. И всё-таки мы сдюжим.

Мы их всех повыеметем, как сор,
не дадим дышать продажной дряни,
чтобы гегемоном был не вор,
а солдат, рабочий и крестьянин.

Пусть его не мается душа
за судьбу и будущность России:
всё, о чём мечтается, верша,
знамя не уроним – не впервые.

Тризну завершим – и снова в бой,
смелость и решительность удвоя,
встанем неприступною стеной
и закроем брешь в рядах собою.

27.07.2013 г.

3.

Я верю, его светлая душа,
покинув обессиленное тело,
поднялась, словно птица, не спеша,
путь устремляя в дальние пределы,
но прежде чем небесною стезёй
направиться в край вечной благодати,
оттуда, из юдоли неземной,
шепнула всем, кто дорог ей: «Прощайте!»
Потом, свершив умелый разворот,
над площадью зависла привокзальной,
над домом, неуклюжим, как комод,
но бывшим ей приютом беспечальным.
О, чудные минуты бытия,
в кругу семьи и смелых упований!
Здесь зрели и мужали сыновья,
слагались образцы повествований.
Всплankнёт душа. Слеза падёт росой
на тротуар, на клумбу городскую,
И снова путь в купели голубой
в заветную обитель – в Ерестную.
Там, лебедино в небе покружа
над домом, над заливом синеоким,
в Новоключи направится душа,
к родимым, приснопамятным истокам.
Промчит над знойной степью Кулунды
над чабрецом, куртинами полыни,
где вечности отчётливы следы,
где слышим скок неведомой дружины.
И наконец, зависнет над селом
в косых лучах июльского заката.
Село... оно почует, дело в чём,
познает боль неслыханной утраты.
Вдруг заскрипят печально срубы хат,
зашелестит листва дерев могучих,
всплankнёт пичуга, травы зашуршат,
вползёт на небо медленная туча,
собою властно звёзды заслонит,
ведром журавль застонет над криницей.
В околке не по-волчьи заскулит
от горя поседевшая волчица.
Душа пробдит до самого утра,
плутая взглядом по знакомым крышам,
а на заре шепнёт себе: «Пора!»
и полетит на встречу со Всевышним.

3.08.2013 г.

* * *

Кому пришлось возделывать сады,
того нет смысла мучить говорильней:
какие кропотливые труды
нужны, чтоб урожаю быть обильней.

Тот знает сам, когда он не лопух,
что, прежде чем плоды срывать
в корзину,
вскопай землицу, чтоб была, как пух,
и чернозёма натаскай на глину.

Потом в просторной ямке посади
свой саженец (твой выбор безусловный)
и корешков его не повреди,
расправь, как косу девичью, любовно.

Полей его обильно, от души,
пока землица принимает воду,
и к палочке воткнутой привяжи,
чтоб ствол не повредила непогода.

Потом, являя выдержку и прыть,
борись с травкою сорною ретиво,

чтоб солнышка не смели заслонить
посадкам лебеда или крапива.

Тогда, Бог даст, урочною порой,
когда приходит осень золотая,
вкусишь сполна и радость, и покой,
и сладостную сочность урожая.

А что любовь? Не тот же это сад,
что требует заботы и ухода,
где сорняком взматается разлад
и гнёт к земле житейская невзгода?

Где, как вода, потребна доброта,
как солнышко – терпение и нежность,
О, сколько ж его надобно – труда,
чтоб сохранить накал её и свежесть!

Но если ты к такому не готов,
всё походя: сближенья и разборки,
не будет в заповеднике плодов,
а если будут, то кислы и горьки.
